

История

УДК 34 (091)

Стрельцова Татьяна Павловна

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Россия

E-mail: Streltsova0705@mail.ru

Streltsova Tatiana Pavlovna

Amur State University

Blagoveshchensk, Russia

E-mail: Streltsova0705@mail.ru

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПОСЛЕВОЕННОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

LEGAL ENSURANCE FOR THE IMPLEMENTATION OF THE POST-WAR AGRICULTURAL POLICY OF THE SOVIET STATE

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть вопрос правового обеспечения советским аграрным законодательством 1930 – 1950-х гг. аграрной политики Советского государства, направленной на максимальное изъятие материальных и людских ресурсов деревни для осуществления форсированной индустриализации и послевоенного восстановления народного хозяйства.

Abstract. The relevance of the article is to consider the matter how the Soviet agrarian legislation ensured the realization of the agrarian policy of the Soviet nation in the 1930-1950. The agrarian policy was aimed at the highest possible impressment of the village human resources for the accelerated industrialization and post-war reconstitution of the national economy.

Ключевые слова: колхозное право, колхозная демократия, права и обязанности колхозников, принудительный труд, внеэкономическое принуждение, отработочные и натуральные повинности колхозников.

Key words: kolkhoz law, kolkhoz democracy, kolhozniks rights and obligations. forced lab our noneconomic coercion, kolhozniks fulfilled duties and conscriptions.

Реализация аграрной политики Советского государства в послевоенное время осуществлялась на основе правового механизма регулирования отношений с крестьянством, заложенного в колхозном праве. В советское время в юридической литературе оно преподносилось как право по своей природе демократичное, отвечающее интересам крестьянства и всего общества.

Современный анализ юридических источников по колхозному праву показывает, что как раз этой гармоничности интересов обеих сторон на самом деле не было. Характер и содержание колхозного законодательства определялись государственными потребностями и интересами. Власть нуждалась в таких юридических нормах, которые давали бы ей возможность любыми способами и средствами реализовывать государственную аграрную политику. Для решения этой непростой задачи ей необходимы были юридические нормы, которые позволили бы осуществлять максимальную эксплуа-

тацию деревни посредством государственной заготовительной системы сельскохозяйственной продукции и внеэкономического принуждения колхозников, т.е. средствами, позволяющими перераспределять ресурсы в пользу развития промышленности и городов. Для осуществления экономической политики приоритетного развития промышленности, явно несправедливой в отношении деревни, требовался особый правовой механизм и правовой инструментарий, с одной стороны, скрывающий их истинное содержание и предназначение, с другой, – создающий видимость законности и справедливости.

Ширмой, создающей представление о законном и справедливом характере советского аграрного права, являлся принцип классового подхода, который выражался в провозглашении Советским государством защиты интересов рабочих и крестьян. Что касается защиты интересов последних, то она проявилась в отмене частной собственности на землю и предоставлении ее крестьянам в бесплатное пользование, в практической помощи деревенской бедноте, в организации колхозов.

В первые годы Советской власти, ведя наступление на средние и зажиточные слои деревни, защищая беднейшее крестьянство, государство создавало иллюзию демократизма новой власти, социальной справедливости и экономического равенства деревенских слоев населения. В дальнейшем, в период организации коллективных сельских хозяйств, принцип классового подхода был положен в основание колхозного права и выразился в утверждении колхозного строя как самого справедливого и совершенного, имеющего большие преимущества перед семейной кооперацией и индивидуальным хозяйством.

Представление о справедливости и законности колхозного строя формировалось лозунгами колхозной демократии, направленной на развитие самодеятельности и инициативы деревенского населения. Однако за фасадом социальной справедливости скрывался механизм колхозного «крепостного права». Этот механизм основывался на юридическом оформлении прав и обязанностей колхозов и колхозников. Они прописывались в законодательных документах, прежде всего в Конституции 1936 г, Примерном Уставе сельскохозяйственной артели 1935 г., правилах внутреннего распорядка колхозов. Эти основные нормативно-правовые акты определяли правовой статус колхозно-кооперативной собственности, функции и хозяйственную деятельность, компетенцию колхозов, регламентировали правовое положение колхозников. Определяя права и обязанности колхозников, государство стремилось к их дискриминации. Советская Конституция 1936 г. имела явные противоречия в определении прав и обязанностей граждан СССР. С одной стороны, она провозглашала (ст.123) равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни. Констатировала, что «какое бы ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан карается законом» [1]. С другой стороны, не все статьи Конституции, определяющие основные права граждан СССР, распространялись на колхозное крестьянство. Всем без исключения категориям населения предоставлялось право на труд и на образование, а также на объединение в общественные организации. Что касается права на отдых и материальное обеспечение в старости (ст.119 и ст.120), именно тех статей, которые были направлены на социальную защиту граждан, то они формулировались в Конституции только применительно к рабочим и служащим. Так, в статье 119 говорилось, что «Право на отдых обеспечивается установлением для рабочих и служащих восьмичасового рабочего дня и сокращением рабочего дня до семи и шести часов для ряда профессий с тяжелыми условиями труда, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы» [2]. Статья 120 предоставление права на материальное обеспечение в старости связывала с обязанностью развития социального страхования рабочих и служащих за счет государства. То есть в списке категорий работников, которым предоставлялись права на отдых и материальное обеспече-

ние в старости, не было колхозного крестьянства. Для власти это открывало возможности манипулирования трудом колхозников, его оплатой, позволяло осуществлять эксплуатацию их труда в интересах государства.

Дискриминация правового положения колхозников выразилась и в определении их обязанностей. Конституционные обязанности граждан СССР и обязанности, определяемые Примерным Уставом сельскохозяйственной артели, преподносились в общих формулировках, носили скорее формально-декларативный, а не конкретно-содержательный характер. Так, Примерный Устав сельскохозяйственной артели указывал только на то, что «Все члены артели обязуются строго беречь свою колхозную собственность и государственные машины, работающие на колхозных полях, работать честно, подчиняться требованиям Устава, постановлениям общего собрания, соблюдать правила внутреннего распорядка, аккуратно выполнять возлагаемые на них правлением и бригадиром работы и общественные обязанности, строго соблюдать дисциплину труда» [3]. Уставом закреплялись лишь принципиально важные для производственной деятельности артели обязанности ее членов. Конкретное содержание их должны были определять сами колхозы, исходя из своих местных особенностей и экономических особенностей, тем самым открывались возможности для произвола колхозной администрации, нарушения законности в определении круга обязанностей колхозников, соотношения обязанностей с правами. Устав сельскохозяйственной артели возводил выполнение обязанностей колхозников в основное условие пользования их правами, социальными и культурными благами колхоза. Так, предоставляя право колхозникам на пользование приусадебным земельным участком, Примерный Устав сельхозартели ставит осуществление этого права, а также размер приусадебного участка в зависимость от трудового участия трудоспособных членов колхозного двора в общественном хозяйстве колхоза. «Прекращение трудовых отношений или недостаточно активное участие в общественном производстве может послужить основанием для изъятия приусадебного участка либо сокращение его размера» [4]. В зависимость от степени трудовой активности колхозников ставилось их право на получение вознаграждения за труд. Обеспечивая связь прав и обязанностей колхозников, Примерный Устав выстраивал их соотношение, нарушая паритет. С одной стороны, ставил права в зависимость от выполнения обязанностей, а с другой, – не всегда прописывал гарантии прав колхозников. Этот основополагающий документ колхозного права делает особый акцент на праве на труд, права колхозников на социальное обеспечение по старости и по потери трудоспособности в нем не отражаются. Не находят отражения в нем и право членства в сельхозартели за временно выбывшими из колхоза, а также право на моральное и материальное поощрение за добросовестный труд. Эти «белые пятна» в колхозном законодательстве были восполнены лишь тридцать лет спустя – Примерным Уставом сельхозартели 1969 г., где появились статьи, определяющие право колхозников на денежную оплату труда, на участие в управлении делами колхоза, культурно-бытовое обслуживание и др.

По прошествии нескольких десятилетий с начала колхозного строительства «колхоз стал определяться как хозяйственный субъект, который имеет основную задачу – более полное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей колхозников, улучшение бытовых условий их жизни, удовлетворение материальных и духовных потребностей колхозников» [5]. В Уставе сельскохозяйственной артели 1935 г. определение колхоза как социально-экономического субъекта подменялось его идеологическим предназначением: в ходе классовой борьбы в деревне, победы над кулаком, над всеми эксплуататорами и врагами трудящихся обеспечить полную победу над нуждой, темнотой и отсталостью мелкого единоличного хозяйства. Достижение лучшей жизни колхозников ставилось в зависимость от их способности «укреплять свою артель, трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, охранять общественную собственность, беречь колхозное добро, беречь тракторы, машины, выполнять задания рабоче-крестьянского государства» [6]. Таким образом, изначально советская власть предназначение колхозов видела не столько в удовлетворении материальных

и культурных запросов ее членов, повышении уровня жизни колхозников, т.е. в развитии самой деревни, сколько в изъятии и использовании ее ресурсов для продовольственного обеспечения страны, обеспечения развития других отраслей народного хозяйства, испытывающих недостаток в ресурсах.

Не отрегулированные законодательством взаимоотношения государства с колхозами и отношения внутри колхозов, а также неясность многих аспектов прав и обязанностей колхозников открывали для властных структур возможность ужесточать юридическую ответственность колхозников. Власть, законодательно закрепляя лишь наиболее важные принципы колхозной деятельности, передавала часть нормотворческих функций самим колхозам. Они должны были восполнять «ниши» правового регулирования внутриколхозных отношений, разрабатывая примерные правила внутреннего распорядка колхоза. Эти правила дополняли и конкретизировали многие положения Примерного Устава сельскохозяйственной артели, прежде всего содержали указание на должное поведение членов колхозов как участников внутриколхозных отношений. «Вступая в членские трудовые, имущественные, культурно-бытовые и прочие отношения, член колхоза обязан согласовывать свое поведение с Правилами внутреннего распорядка» [7]. Но не имея опыта составления нормативных документов, при отсутствии государственных рекомендаций (союзные примерные правила внутреннего распорядка колхозов были приняты лишь в 1970 г.) и тем самым, с одной стороны, испытывая большие затруднения в их разработке, а с другой, – тяготясь рамками государственных ограничений, колхозная администрация зачастую превышала свои полномочия. Это проявлялось в первую очередь в применении санкций к колхозникам, нарушающим внутренний распорядок трудовой деятельности в колхозах. Нередко появлялись правила внутреннего распорядка, не соответствующие действующему законодательству. Так, правила поощрений и дисциплинарных взысканий порой противоречили соответствующим положениям Примерного Устава сельскохозяйственной артели. Во многих колхозах страны правила внутреннего распорядка вообще не разрабатывались. В результате в этих колхозах организация и дисциплина труда не регламентировались, что открывало еще большие возможности для произвола колхозной и районной администрации. В такой ситуации положение колхозников в правовом отношении становилось еще более уязвимым. В компетенцию правлений колхозов попадала разработка таких внутренних правил как продолжительность рабочего дня, порядок предоставления выходных дней, ежегодных оплачиваемых отпусков, минимума трудового участия в общественном хозяйстве, размеры и формы оплаты труда, установление размеров приусадебных земельных участков, пользование общественным транспортом и рабочим скотом для личных нужд и др., т.е. правил, жизненно важных для колхозников. Колхозная администрация, имея возможность произвольной регламентации трудовой деятельности колхозников, оплаты их труда, получала в распоряжение важные рычаги воздействия для принуждения их к максимальному труду в общественном хозяйстве посредством как мер поощрения, так и ответственности за нарушение дисциплины труда и колхозного распорядка. Именно меры наказаний открывали возможности для создания системы принудительного труда колхозников в общественном хозяйстве.

Определению степени ответственности колхозников за состояние производственных дел в общественном хозяйстве отводилось особое место как в Примерном Уставе сельскохозяйственной артели, так и в правилах внутреннего распорядка колхозов. Примерный Устав предусматривает два вида юридической ответственности колхозников – дисциплинарную и материальную, применяемые в зависимости от характера совершенного правонарушения и его последствий. Дисциплинарная ответственность применялась к колхозникам «за бесхозяйственное и нерадивое отношение к общественному имуществу, за невыход без уважительных причин на работу, за недобросовестную работу и за другие нарушения трудовой дисциплины. Правление налагает на виновных взыскание, согласно правилам внутреннего распорядка, например, переделать недобросовестную работу без начисления тру-

додней, предупреждение, выговор, порицание на общем собрании, занесение на черную доску, штраф до 5 трудодней, перемещение на низкооплачиваемую работу, временное отстранение от работы» [8]. Уставом предусматривается и крайняя мера наказания – исключение из членов колхоза. Устав указывает на то, что вопрос об исключении из артели правление ставит перед общим собранием в тех случаях, когда все принятые артелью меры воспитания и наказания оказались недейственными. Меры временного отстранения колхозника от работы, перевода на низкооплачиваемую работу, исключения из колхоза нарушали конституционное право на труд и по сути означали лишение колхозника средств существования. Не давая исчерпывающего перечня мер наказаний и перечня обстоятельств их применения, Устав предоставлял возможность колхозной администрации произвольно устанавливать наказания. Так, определяя в качестве меры наказания перевод на низкооплачиваемую работу, Устав не устанавливает конкретного срока перевода – постоянного или временного. В таких случаях, как поступать, решало правление колхоза. Последней инстанцией, наделенной правом применения дисциплинарной ответственности к колхозникам, являлось собрание членов сельскохозяйственной артели, оно правомочно было определять степень виновности и меру наказания.

Собранию колхозников давалось право выносить вердикт виновности не только по дисциплинарным правонарушениям, но и по уголовным преступлениям. Примерный Устав сельскохозяйственной артели вводил «уголовные меры ответственности за расхищение общественной колхозной и государственной собственности, вредительское отношение к имуществу, к скоту артели и машинам МТС» [9]. Эти правонарушения Устав квалифицирует как измену делу колхоза и помощь врагам народа. Мерами судебного наказания объявлялся бой частнособственническим интересам крестьян.

Хищения и повреждения колхозной собственности Устав квалифицирует как вражеские действия, направленные на подрыв колхозного строя. «Лица, виновные в подрыве основ колхозного строя, передаются артелью в суд для наложения наказания по всей строгости законов рабоче-крестьянского государства» [10].

Указывая на необходимость применения уголовных мер наказания к расхитителям и вредителям колхозной собственности, Устав не дифференцировал уголовные правонарушения по степени тяжести, не называл в соответствии с этим вид и размер уголовного наказания. Отсутствие четкого определения этих важных норм не только в Примерном Уставе сельскохозяйственной артели, но и в Уголовном кодексе (сказывалась молодость советского законодательства и стремление власти к законодательному закреплению дискриминационной политики в отношении крестьянства) превращало колхозника в потенциального правонарушителя.

Пробелы в применении уголовных мер наказания в отношении колхозников ставили судебные органы в затруднительное положение. Они были вынуждены при определении степени виновности ориентироваться не столько на закон, сколько на ситуацию в стране и политику верховной власти. Слабость законодательной базы, низкая правовая культура населения, отсутствие традиций уважения к правопорядку создавали предпосылки для нарушений советской законности не только рядовыми гражданами, но и лицами, облеченными властью. В условиях, когда соблюдение законности превращалось в откровенную демагогию, судебные органы прибегали к манипулированию законами: либо ужесточали судебные репрессии в деревне, что происходило чаще всего, либо осуществляли некоторые временные послабления. Все это превращало колхозников в самый бесправный и незащищенный класс государства.

О бесправности колхозников свидетельствовало и то, что «Примерный Устав сельхозартели не предусматривал для них свободного выхода из колхоза. «Крепость» земле распространялась и на их детей, которые с 16-летнего возраста зачислялись в колхозы без подачи заявлений. Уставы многих колхозов содержали пункты, указывающие на то, что «вновь влившиеся члены семьи путем бракосо-

четания», а также члены других колхозов, переехавшие на жительство в данный колхоз, механически считались членами артели» [11]. Прикрепляя крестьянина к колхозу, закон ставил его в положение подневольного работника, его труд в колхозе по сути становился принудительным. При этом следует отметить, что Примерный Устав сельскохозяйственной артели не вводил принудительный труд в колхозах, он лишь определял принципы организации колхозной жизни, которые способствовали его введению.

Для осуществления правового регулирования принудительной трудовой деятельности колхозников принимались специальные законы, постановления, распоряжения, инструкции центральных и местных органов власти. Через такие правовые акты государство осуществляло почти полное изъятие и присвоение результатов труда колхозников. Правовыми актами вводились отработочные, натуральные и денежные повинности колхозного крестьянства. Для колхозников предписывалась выработка обязательного минимума трудодней. Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. вводило «годовой минимум трудодней для колхозников от 60 до 100 в зависимости от районов страны». Позднее Постановлением СНК СССР и ЦК КПСС от 13 апреля 1942 г. обязательный минимум трудодней увеличился до 100-150. Эта обязательная норма сохранялась и в послевоенное время, задавая высокую планку интенсивности труда колхозников. «К середине 1950-х гг., в результате неоднократных повышений норм выработки трудодней, их величина установилась на уровне 150 для женщин и 200 – для мужчин» [12].

В послевоенное время власть прибегает к узакониванию судебной ответственности колхозников, уклоняющихся от работ в колхозном хозяйстве. «Указами Верховного Совета СССР 1948 и 1951 гг. «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни», невыработка трудодней каралась 8-ю годами ссылки» [13].

Кроме норм трудового участия в колхозном производстве, устанавливались нормы отработочных повинностей колхозников в других отраслях народного хозяйства, не обеспеченных рабочей силой. Действуя по правилам мобилизационной экономики, власть прибегала к широкому использованию трудовых повинностей колхозников на самых тяжелых работах: лесозаготовках, торфопеработках, дорожном ремонте и строительстве, кроме того, вводила гужтрудповинности для нужд Красной Армии. На протяжении второй половины 40-х и до конца 50-х гг. принимались ежегодные Постановления Совета Министров СССР «Об осенне-зимних лесозаготовках» рабочих и колхозников, привлекаемых в порядке платной гужтрудповинности. «За уклонение от лесозаготовок колхозники привлекались к уголовной ответственности по статье 61. Ч. 2 Уголовного кодекса РСФСР. В отдельных случаях предусматривалось и материальное наказание – штраф в размере до пятикратной стоимости невыполненных работ» [14]. Постановления Совета Министров ССР от 15 апреля 1948 г., от 27 декабря 1949 г. и от 9 февраля 1950 г. обязывали местные органы власти выделять необходимое количество рабочей силы из колхозов для выполнения дорожных работ: ремонта, строительства и очистки автомобильных и железнодорожных путей сообщения. В связи с началом освоения целинных и залежных земель в середине 1950-х гг. было принято Постановление Совета Министров СССР от 19 февраля 1955 г.: «Оно обязывало местные органы власти осуществлять строительство дорог в районах освоения целинных земель, а для этого увеличивать задания по выполнению дорожной гужтрудповинности сельским населением» [15]. Спектр отработочных повинностей работников в послевоенные годы становился более широким. В эти годы правительственными циркулярами и местными постановлениями регулировалось использование принудительного труда колхозников для обеспечения нужд Красной Армии, для благоустройства районных центров и сел, для восстановительных работ после стихийных бедствий, для уборки урожая сельскохозяйственной продукции.

Подобными правовыми актами регулировалась и другие виды повинностей – натуральная и денежная. В условиях послевоенного разорения и бедности, решая проблему обеспечения населения страны продовольствием, государство прибегает к максимальной продовольственно-сырьевой ренте колхозного двора, используя ее как вспомогательный источник в системе государственных заготовок сельскохозяйственной продукции. В 1940-1950-е гг. увеличивается перечень объектов обложения колхозного двора. Наряду с поставками основной сельскохозяйственной продукции: мяса, молока, яиц, зерновых и масличных культур, вводятся поставки свиных кож, волос, пуха, пера, шерсти-линьки и тем самым облагается вся натуральная продукция личного подсобного хозяйства колхозников. В это время обязательная государственная поставка с приусадебного хозяйства колхозника приобретает силу закона. Государственная поставка должна была выполняться безоговорочно, в строго установленные сроки. Такой порядок налогообложения колхозного двора просуществовал до 1958 г. «В связи с увеличением объемов заготовок сельскохозяйственной продукции колхозами и совхозами Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 июля 1957 г. рекомендовало перейти к системе закупок излишков сельскохозяйственных продуктов у хозяйств колхозников по закупочным ценам» [16].

Следует отметить, что колхозный двор на протяжении 1930-1950-х гг. облагался не только натуральным, но и денежным налогом, являющимся в эти годы основной денежной повинностью сельского населения. Если натуральный налог с колхозного двора был отменен с конца 1950-х гг., то сельскохозяйственный продолжал существовать и в последующие 1960-е гг.

Таким образом, появившееся еще в 1930-х гг. правовое регулирование повинностей колхозного крестьянства в 1940-1950-е гг. сформировалось полностью.

Поворотным в аграрной истории Советского государства стал период конца 1950-х гг. В это время была подведена черта под аграрным курсом государства, существовавшим с 1930-х гг. и начался переход к новому этапу колхозного строительства.

Власть вынуждена была признать, что в новых условиях Примерный Устав сельскохозяйственной артели перестал отвечать перспективным задачам развития колхозного производства. Становилось очевидным несовершенство правовых норм, регулирующих колхозную демократию. Ее несовершенство позволяло местным партийным и хозяйственным органам навязывать общие, не отвечающие конкретным условиям производства и уровню развития хозяйств организационные формы и правила внутриколхозной жизни. Ликвидацию недостатков правового регулирования колхозной демократии стали связывать с развитием инициативы в управлении делами артели. Колхозная демократия стала рассматриваться как главный рычаг реализации задач крутого подъема сельского хозяйства. Теперь на основании Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» расширились права колхозников, им передавалась часть полномочий в установлении норм колхозной жизни, они получили право дополнять и изменять отдельные положения устава сельхозартели с учетом местных условий производства.

Общее собрание колхозников получало право на установление обязательного минимума трудодней, на определение размеров приусадебных участков, на установление норм выработки и расценок работ в трудоднях, введение ежемесячного авансирования колхозников и др. [17]. Предоставляя общему собранию колхозников право вносить поправки, изменения и дополнения в устав сельскохозяйственной артели, государство тем самым превращало колхозный орган самоуправления в орган, наделенный полномочиями колхозного законодательства.

Однако было бы неверным представлять (а такое представление действительно бытовало на протяжении советского времени), что власть, допуская общее собрание колхозников к законодатель-

ной деятельности, преследовала цель развития колхозной демократии, в немалой степени она стремилась усилить ответственность органов колхозного управления за состояние колхозных дел, производственных результатов.

Общее собрание колхозников, становясь субъектом колхозного права, превращало в правовой субъект каждого из его членов. Через право голоса на общем собрании колхозник вовлекался в управление колхозными делами. Как участник управления, он нес персональную ответственность за состояние и развитие колхозного производства, по сути попадал в систему «круговой поруки» выполнения плановых заданий, спускаемых государством сверху. Из этого следует, что, во-первых, колхозная демократия, основанная на коллективной ответственности членов сельскохозяйственной артели, была выгодна власти, так как могла использоваться как своеобразный инструментарий (прикрытый фразеологией о справедливой колхозной демократии) для ужесточения принудительных мер к эффективной деятельности колхозников в общественном хозяйстве.

Прибегая к развитию колхозной демократии как к средству в борьбе с чрезмерной ведомственной регламентацией колхозной жизни, произволом верхов, власть, передавая часть правовых полномочий на места, с одной стороны, снимала ответственность верхов за неудачи и провалы колхозного строительства, а с другой, – открывала возможности для перегибов и извращений колхозной демократии снизу. Отсутствие правовой грамотности у рядовых колхозников, а зачастую и у колхозной администрации нередко приводило к принятию решений, противоречащих принципам колхозной жизни. Порой в устав сельскохозяйственной артели вносились положения об организации производства, нормировании и оплате труда колхозников, не соответствующие реальным условиям и возможностям колхозов. По-прежнему допускались нарушения в наложении на работников материальных и дисциплинарных взысканий. В то же время расширение колхозной демократии порождало стремление председателей и правлений колхозов усилить собственную роль и полномочия в решении важнейших вопросов колхозной жизни [18]. В итоге сделанный шаг в расширении колхозной демократии обернулся новой чередой нарушений колхозной законности и правопорядка, на этот раз исходящих от непосредственных участников и организаторов колхозного производства.

Развивая колхозную демократию, передавая часть правовых функций вниз, непосредственно участникам колхозного производства, власть не столько ослабляла применение наказаний к нарушителям устава сельскохозяйственной артели, сколько ужесточала их, включив в их число изъятие приусадебных участков у лиц, не занимающихся общественно-полезным трудом, изъятие у членов артели, имеющих скот сверх установленных норм, отстранение от работы в колхозном производстве за дисциплинарные правонарушения. Наконец, мерой наказания становилась оплата труда колхозников, устанавливаемая по усмотрению руководителей и правлений колхозов. Материальные наказания, при ослаблении уголовных, превращались в главный инструмент принуждения колхозников к труду в общественном производстве.

Подводя итоги, следует отметить, что основы правового регулирования колхозной жизни были заложены в Уставе сельскохозяйственной жизни и правилах внутреннего распорядка колхозов. Эти документы являлись правовым базисом регулирования внутриколхозных отношений, именно они определяли основные права и обязанности членов сельскохозяйственной артели. Их положения уточнялись, конкретизировались, дополнялись законами, постановлениями, распоряжениями партии и советского правительства. При этом часть законодательной деятельности, формирующей колхозное право, передавалась местным органам власти и колхозным субъектам самоуправления. Участие власти всех уровней и коллективных органов самоуправления в разработке колхозного права порождало его специфические черты. За фасадом законодательных норм, утверждающих колхозную демократию, в интересах власти формировалось «неофициальное» колхозное право, сутью которого являлись

социальная дискриминация колхозников, ограничение их прав, усиление ответственности за состояние колхозных дел, применение уголовных мер наказания и материальных взысканий даже к тем членам артели, которые совершали незначительные правонарушения. Правовое бесправие колхозного крестьянства создавало возможности для его эксплуатации, присвоения результатов его труда, что в условиях разорения и бедности становилось для власти важнейшим инструментом в достижении целей и задач экономического развития.

1. Конституция (Основной Закон) СССР. Конституция (Основные законы) Союзных Советских Республик – М.: Юридическая литература, 1956. – С. 28.
2. Там же. – С. 28.
3. Примерный Устав сельскохозяйственной артели. История колхозного права // Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР 1917-1958 гг. – Т. 1. – М., 1959. – С. 432.
4. Петрушин, А.Г., Синицын, Н.А. Права и обязанности членов колхоза. – М., 1971. – С. 5.
5. Примерный Устав сельскохозяйственной артели. История колхозного права... – Т. 2 – М., 1959. – С. 421.
6. Там же. – С. 427.
7. Василюк, С.Ф. Правовое регулирование внутреннего распорядка в колхозах. – Львов: Вища школа, 1986. – С. 7.
8. Примерный Устав сельскохозяйственной артели. История колхозного права... – Т. 2 – М., 1959. – С. 432.
9. Там же. – С. 432.
10. Разгельдеев, А.М. Материальная ответственность колхозников по уставу колхоза. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1977. – С. 86.
11. Безнин, М.А., Димони, Т.М. Крестьянство и власть в России в конце 1930-1950 гг. // Менталитет и аграрное развитие России XIX-XX вв. Материалы междунар. конф.; под ред. В.П. Данилова и В. Милова. – М., 1996. – С. 158.
12. Вербицкая, О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву – середина 1940-х – начало 1950-х гг. – М., 1992. – С. 52.
13. Важнейшие решения по организационно-хозяйственному укреплению колхозов // Сборник документов. – М., 1951. – С. 89-90.
14. ГААО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 291. С. 314, 354.
15. ГААО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 1377. С. 68.
16. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988). – Изд. 9-е, доп. и испр. – Т. 9. – М.: Политиздат, 1983-1990. – С. 192.
17. Там же. – С. 95.
18. ГААО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 1486. С. 17.